

**Ирония и сарказм
как неотъемлемая часть английской культуры
и их когнитивная важность
в преподавании английского языка
и практике межкультурного общения**

© кандидат филологических наук М. М. Филиппова, 1999

Как известно, юмор является одной из наиболее трудных для понимания частей национальной культуры. В данной статье автору хотелось бы сосредоточиться на иронии и сарказме как его важных составляющих. К пониманию того, что эти два специфических языковых средства очень важны в английском языке, привел ряд соображений.

В одной из своих лекций авторитетный английский специалист по межкультурному общению Барри Томалин рассказал о том, как провел мини-опрос среди англичан, живущих за границей, на предмет того, о чем они скучают, когда живут в какой-нибудь другой стране. Оказалось, что в списке вещей, без которых англичанам скучно жить, на пятом или шестом месте после домашнего уюта, некоторых английских блюд, английской погоды и т.п. они поставили **сарказм**. (Кстати, сам Барри Томалин начал свою лекцию для русских преподавателей чем-то вроде: "Чему я, какой-то англичанин, у которого за спиной всего лишь Шекспир и Диккенс, могу научить вас, представителей великой русской культуры?")

Студенты пятого курса филологического факультета (правда, специализирующиеся по кафедре прикладной лингвистики и поэтому мало знакомые с литературоведением), которые выбрали себе в качестве домашнего чтения рассказы Мюриел Спарк (известного мастера иронии и сарказма), посмотрев фильм 'The Prime of Miss Jean Brodie' (справедливости ради следует отметить, что повесть, на которой основана эта экранизация, они не читали), в полном недоумении спросили своего преподавателя: "Разве главная героиня отрицательный персонаж? После того как посмотрели кино, мы прочитали рецензию на повесть и из нее узнали, что Джин Броди лицемерная, неискренняя, лживая, жестокая и т.п."

С одной стороны, данный пример во многих отношениях показателен в том, что касается понимания художественной литературы и языковой специфики иностранными учащимися. Для студента-иностранца, читающего некое произведение английской литературы, очень трудно решить, является ли любое данное действие героя или

героини типичным или, наоборот, экстраординарным, являются ли его поступки этичными или неэтичными с точки зрения естественного носителя языка. Например, прочитав, что героиня Моэма моет посуду и после этого чистит раковину, русские студентки решили, что это типичное действие и у английских домохозяек принято после каждого мытья посуды почистить раковину, в то время как У. С. Моэм, кажется, хотел подчеркнуть, как механически скрупулезно его героиня наводит порядок прежде чем покончить с собой.

Маргарет Дрэбл, известная современная английская писательница, в своем интервью с литературоведом Валери Гровнор Майер приводит примеры аналогичного непонимания читателями того, что хотел сказать автор. Так, про отрывок из своего романа "Жернов" она рассказывает:

‘...I remember reading a passage from *The Millstone* to a group, a literary society, and it’s the passage where Rosamund, the narrator, describes her sister stopping her two small children playing with the little working-class girl down the street; and it’s quite a funny passage to read aloud because it’s a self-contained incident.

The whole point of the passage is that Rosamund is horrified by her sister’s social attitudes, her sister, who is supposed to be a socialist and supposed to be a girl with a social conscience, is forbidding her children to play with this child because of the rude words and the rude behaviour that this nasty child will teach them.

And I read this passage, and a woman came up to me afterwards and said, ‘I’m so glad you agree with me that you can’t let your children play with just anybody’. And she had read the whole thing in reverse, she listened to it in reverse; and of course you can’t stop a reader doing that, and you can’t stop readers from other countries interpreting things as being characteristically British that I didn’t mean to be characteristically British; and you can’t put footnotes, ‘I mean this seriously’, or, footnote, ‘I don’t agree with my narrator at this point’.

(Маргарет Дрэбл говорит: "Я помню, как читала отрывок из "Жернова" на собрании кружка любителей словесности. Это тот отрывок, где Розамунд, которая является повествователем, описывает, как ее сестра не дает своим двум маленьким детям играть с девочкой из рабочей семьи, которая живет в конце улицы. Это довольно смешной отрывок, он хорошо подходит для чтения вслух, потому что в нем описан отдельный случай, взятый сам по себе. Вся суть отрывка в том, что Розамунд в ужасе от социальных взглядов своей сестры. Ее сестра, как предполагается, имеет социалистические взгляды и считается женщиной, у которой есть социальная совесть, и она запрещает своим детям играть с этой девочкой из-за того, что она, этот отвратительный ребе-

нок, может научить их грубым словам и грубому поведению. И я прочитала этот отрывок, и потом ко мне подошла женщина и сказала: "Я так рада, что Вы согласны со мной в том, что нельзя позволять своим детям играть абсолютно с кем попало". Она прочитала все это наоборот, она услышала все это наоборот; и, конечно же, невозможно остановить читателя, который так делает, и невозможно остановить читателей из других стран, которые толкуют некоторые вещи как характерные для англичан, которые я не имела в виду представить как характерные для англичан. Вы ведь не можете вставлять сноски типа "Я и в самом деле серьезно так считаю", или другая сноска – "В этом вопросе я не согласна с повествователем своего романа".)

В том же интервью Маргарет Дрэбл сравнивает этот эпизод с положением Арнольда Беннета, когда он написал книгу о приходящей домработнице: 'It's like Arnold Bennett wrote a book about a charwoman with a heart of gold, and Arnold Bennett was very distressed by the fact that people liked the charwoman so much when he had been trying to point out that she was oppressed. And he said, 'People want a charwoman with a heart of gold, they don't realize that what I'm trying to say is that she's been exploited', and that's the kind of misreading that happens.' (М. Д.: "Это очень похоже на то, как Арнольд Беннетт написал книгу о домработнице, у которой было золотое сердце (т.е. ангельский характер). Арнольд Беннетт был очень расстроен тем, что читателям так сильно понравилась эта уборщица, в то время как он пытался показать, что ее угнетают. И он сказал: "Люdiam хочется иметь домработницу с ангельским характером, они не понимают, что я пытаюсь сказать, что ее эксплуатируют". Вот какие ошибки возникают в прочтении произведения.")

Эти примеры неправильного понимания заложенного автором смысла соотечественниками писателя, естественными носителями языка, показывают, что смысл произведения реализуется на многих уровнях, причем некоторые уровни иногда не воспринимаются читателями. Такого рода примеры можно также считать утешительными, когда возникают проблемы в межкультурном общении.

Точно так же, как определить типичность или нетипичность поведения, этичность или неэтичность поступка героя, бывает трудно учащемуся определить, является ли язык, которым говорят герои, правильным или неправильным, просторечным, высокопарным или каким-либо еще. В отношении языка может оказаться так, что у иностранного учащегося имеются совершенно четкие концептуальные схемы там, где у естественного носителя установка (во всяком случае, теоретическая) на демократическую терпимость к любого рода языковым формам. В теории, во всяком случае, считается и подчеркивается (особенно профессиональными лингвистами, авторитетными специалистами по языку),

что в английском языке (и прежде всего в английском произношении) нет четко определенных норм и стандартов и англичане считают себя вправе гордиться тем, что у них нет институтов, подобных Российской Академии наук и Французской Академии, которые, выпуская академические словари и грамматики, определяют, какие языковые формы являются правильными, а какие нет (недемократически "навязывая" норму). Таким образом, и в том, что касается языка, учащийся может оказаться на зыбкой почве.

В наше время, кажется, можно уже говорить о фольклорной традиции межкультурного общения русских и англичан, поскольку существует масса устных рассказов о проблемах понимания в таких ситуациях.

Так, например, русская школьница, жившая (и учившаяся) год в Англии, вернувшись, стала объяснять своей преподавательнице английского языка "исконное" английское выражение *to be on a short leg*. Когда заинтригованная преподавательница призналась, что такого выражения не знает, и попросила девушку перевести его, та сказала: "Ну как же? Оно значит то же, что и в русском – быть на короткой ноге. Меня этому научили естественные носители." Юмор данной ситуации заключается в том, что "быть на короткой ноге" – это фразеологическая единица, русская идиома, которая никак не может быть переведена на английский язык дословно. Эквивалентом могло бы быть выражение вроде *'to be on friendly terms (on a friendly footing) with somebody'*. Если представить, что кто-то из англичан взял на себя труд выучить русскую идиому и стал обучать ей русскую девушку, то трудно не восхититься изощренности понятий о юморе автора этой шутки. (С другой стороны, нам известны случаи, когда в английский язык заимствовались жаргонные русские слова, еще даже не вполне принимаемые многими естественными носителями русского языка. Например, *to wet* – это, как известно, калька с русского жаргонного словечка "замочить", столь популярного в последнее время.)

Непонимание, недопонимание и неправильное понимание довольно часто встречаются в общении между людьми, принадлежащими к разным культурам, когда один из них говорит на родном языке, а для другого участника этот язык является иностранным. Понятно, что жизненный опыт, языковые привычки, стереотипы поведения и восприятия речи, традиционно передаваемые из поколения в поколение взгляды, отношение к тем или иным национальностям и носителям определенных культур и т.п. будут в значительной степени разными и вряд ли будут совпадать. Часто оказывается, что восприятие иностранцем своей речи чуть ли не диаметрально противоположно тому, как воспринимают его речь естественные носители языка. Однако правила вежливости

требуют соблюдать цивилизованные нормы поведения, и раздражение и прочие отрицательные эмоции находят выход в иронии и сарказме.

В идеале, контакты между представителями разных языков и культур могут быть полноценными только в том случае, если участники коммуникации в состоянии понять не только прямое, непосредственное содержание того, что они слышат от собеседника, но и воспринять подразумеваемое содержание. Если, как в вышеупомянутом случае со школьницей, такое понимание отсутствует, то у постороннего наблюдателя создается впечатление, что участники общения говорят один "про Фому", а другой – "про Ерему", или что один участник получает удовольствие за счет другого, высмеивая его в столь тонкой манере, что тот не в состоянии это понять и адекватно на это отреагировать.

В случае с иностранными учащимися, которые не очень хорошо владеют английским, шутки могут быть и не столь утонченными и безобидными. Так, например, за обедом в английской школе для иностранных бизнесменов, на котором присутствовали студенты этой школы – представители деловых кругов Италии, Германии и других стран, а также студентка из Японии, хозяйка школы, сидящая рядом с японкой, сказала: 'We once had a Japanoid...' и тут же поправилась: '...a Japanese boy staying with us...' Поскольку хозяйка мгновенно исправила свою ошибку, формально упрекнуть ее было не в чем – то, что она сказала, выглядело как типичная оговорка, обусловленная опережающим произнесением дифтонга [], содержащегося в слове boy. Однако каждому знающему суффикс -oid совершенно очевидно, что слова с этим суффиксом часто имеют резко отрицательное значение: humanoid, Stalinoid, schizoid, rapanoid и т.п. Понятно, что слово Japanoid несет отчетливо выраженный пренебрежительный оттенок значения, и насмешка получается злой и унижительной.

В этой связи весьма любопытны всевозможные метаморфозы, которые происходят с некоторыми языковыми элементами в процессе словообразования. Каким образом, например, получилось так, что суффикс -ese (Portuguese, Chinese, Vietnamese, Japanese и т.д.), совершенно нейтральный в названиях языков и национальностей (англичане, как хорошо известно, терпимо относятся ко всем расам, нациям и национальностям), используется для придания отрицательных коннотаций таким выражениям, как art criticese, literary criticese, journalese, officialese и т.п.?

На взгляд непосвященного такие понятия как ирония и сарказм кажутся менее естественными для русской культуры, чем, например, насмешка, издевка, глумление, язвительность, ехидность, изымательство и т.п. Это подтверждается и данными словарей: если слова "ирония" и "сарказм" имеют греческое происхождение, то есть являются

иностранными заимствованиями и навряд ли широко употреблялись в русском языке, скажем, до эпохи Ломоносова, то вышеупомянутые слова типа "издевка" и "глумление" все имеют общеславянское происхождение и содержат корни, встречающиеся уже в старославянском языке, что, безусловно, делает их намного ближе носителю русского языка. Представляется, что слово "ирония" и выражаемое им понятие лучше ассимилировалось в русском языке, чем слово "сарказм". Подтверждением того, что слово "сарказм" вместе со своим концептуальным содержанием не является столь органично присущим русскому языку, как слово "ирония", могут служить данные словарей, в частности показывающие изменение их значений с ходом времени или устойчивость этих значений. Так, у В.И. Даля находим:

Ирония греч. речь, которой смысл или значение противоположно буквальному смыслу слов; насмешливая похвала, одобрение, выражающее порицание; глум. **Иронический**, глумный, насмешливый; похвала, которая хуже брани.

Сарказм. Саркастическая насмешка, острая, едкая.

Как видим, В. И. Даль даже не находит обязательным объяснить слово "сарказм", а просто приводит пример употребления слова "саркастический". В то же время его толкование слова "ирония" в некоторых отношениях ближе к тому, что лингвисты более терминологически точно называют энантиосемией, и примерно соответствует тем объяснениям, которые даются в большинстве других словарей, в том числе и более поздних.

Так же показательны объяснения, которые дает С. И. Ожегов:

Ирония – тонкая насмешка, выраженная в скрытой форме. Злая и. Ирония судьбы (перен.: странная случайность).

Сарказм (книжн.) – 1. Язвительная насмешка, злая ирония. 2. Едко-насмешливое замечание.

Не случайно, что слово "сарказм" отмечено как книжное. Можно, по-видимому, даже сказать, что в силу своей иноязычности это слово скорее имеет терминологический характер, используясь в основном в пособиях по стилистике и т. п. Таким образом, трудности русскоязычных учащихся с пониманием если не иронии, то сарказма, возможно, связаны с неполным освоением этого понятия в русской культуре или, возможно, тем, что носители русского языка не всегда считают этически оправданными насмешку или издевку над собеседником в непосредственном общении.

Если же обратиться к английским словарям, то предстанет несколько иная картина. Прежде всего стоит упомянуть, что англоговорящие читатели имеют доступ к совершенно особым справочным источникам следующего типа: "Словарь имен и прозвищ" (A Dictionary of Names and Nicknames), словарь Гиннеса "Наиболее ядовитые цитаты" (The Guinness Dictionary of More Poisonous Quotes), "Засучив рукава. Словарь женского юмора и остроумия" (Hammer and Tongues. A Dictionary of Women's Wit and Humour), "Словарь оскорбительных высказываний" (The Dictionary of Insults) и т.п. Испытывая сожаление по поводу того, что размеры статьи не позволяют подробно рассмотреть некоторые примеры, приводимые в этих справочниках, допустим, что они являются достаточно показательными образцами английского юмора и читатель может сам составить себе представление о них, просто полистав любой из этих словарей. Мы же обратимся к тому, как толкует понятия иронии и сарказма словарь издательства Лонгман Dictionary of English Language and Culture:

Irony n. 1. Use of words which are clearly opposite to one's meaning, usu. either in order to be amusing or to show annoyance (e.g. by saying "What charming behaviour" when someone has been rude) – compare SARCASM 2. A course of events or a condition which has the opposite result from what is expected, usu. a bad result: *We went on holiday to Greece because we thought the weather was certain to be good, and it rained almost every day; the irony of it is, that at the same time there was a heat-wave back at home!* – compare PARADOX; see also DRAMATIC IRONY.

Sarcasm n. Speaking or writing using expressions which clearly mean the opposite to what is felt, esp. in order to be unkind or offensive in an amusing way: *She was an hour late. "Good of you to come," he said with heavy /withering sarcasm.* – compare IRONY.

Любопытно, что словарь Brewer's Dictionary of Phrase and Fable (14 изд., под ред. Айвора Эванза) содержит статью на слово irony, но в нем нет статьи на слово sarcasm – это слово фигурирует всего лишь в статье на слово irony:

Irony (Gr. *eironeia*, simulated ignorance). The use of expressions having a meaning different from the ostensible one; a subtle form of sarcasm understood correctly by the initiated.

Socratic irony. The assumption of ignorance as a means of leading on and eventually confuting an opponent.

The irony of fate. That which brings about quite the opposite of what might have been expected. Thus by an irony of fate Joseph became the saviour of his brethren who had cast him into the pit.

Одной из причин того, почему ирония и особенно сарказм представляют такую сложность для русскоязычных учащихся, может быть почти полное отсутствие интонационных и ситуационных сигналов иронии и сарказма. Как утверждает, например, Дэвид Кристал, один из крупнейших авторитетов в области англистики, "стандартная русская интонация для утвердительного предложения звучит саркастично для англичанина":

...there are some emotions which are language-specific. I mean... sarcasm is a very good example. Sarcasm is a very language-specific feature, and it is difficult to know, often, when a foreigner is being sarcastic. Let's take an example here. Russians always get into a fix over this with English, don't they?, because . . . well, let me explain the situation in case you are not aware of it. What is the main intonational feature of English sarcasm? Well, it is the use of the level tone. A tone which you might not get much practice in as far as teaching is concerned, 'cause it is often not mentioned in most of the pedagogic textbooks. O'Connor and Arnold don't mention it, for instance. But the level tone is the common one, when it's used at the end of a clause. So you say things like 'What did you think of the picture you went to see last night?' and they say (произносит монотонно, на низком уровне тона, с финальными ровными тонами) «It was marvellous' . . . 'Great'.. . 'Wonderful' . . . 'Super' . . . 'Can't wait to go back'. And the more you keep it level and flat, the more ironic, sarcastic you are implying. Now, that's in English and to be more precise, it's in RP. It is not the case for all English accents, by the way, but that is another story.

Russians, however, of course, use level tone as a marker of statement intonation. So it's a perfectly normal feature of standard Moscow Russian to say, as it were, ta-da-ta-da-da where. . . , it's a . . . I mean I'm not going to risk my Russian here, you see, (аудитория смеется) so. . . pardon the nonsense. But, you see, Russians come up to you after your . . . after, and you say, 'What did you think of the play?' and they say, (имитирует русский акцент) 'Wonderful. Very good. I liked it.' (аудитория смеется) And, of course, you look at their face, and you know from their face, well, not with Russians perhaps, (аудитория смеется) but you. . . often when a foreigner does this. . . you know from their face that they really did like it, so of course you discount the intonation. But the point is that in many circumstances the tone that is conveyed is one of irony, or boredom, or sarcasm, and patently it is not intended and certainly is explicable not when you look at the Russian intonation system.

(Дэвид Кристал говорит в этой части лекции следующее: "...есть некоторые эмоции, которые по-особому, специфически проявляются интонационно в каждом отдельном языке. Хорошим примером здесь является сарказм. Сарказм – это такая характеристика, которая очень специфична для каждого языка, и часто бывает очень трудно догадаться, когда иностранец высказывается саркастично. Давайте приведем пример. Русские часто оказываются с этим в затруднительном положении, да?, потому что... ну, позвольте, я объясню положение дел на случай, если вы об этом не знаете. Какова основная интонационная характеристика английского сарказма? Это употребление ровного тона. Это тон, который не особенно отработывают в преподавании, потому что его не упоминают в большинстве учебников. О'Коннор и Арнольд, например, не упоминают его. Но ровный тон является здесь обычным, если используется в конце предложения. Так, вы говорите вещи типа: "Что Вы думаете о фильме, который смотрели вчера?" и вам отвечают: "Это было восхитительно. Великолепно. Замечательно. Прекрасно. Не могу дождаться, когда увижу еще раз." И чем более ровным и невыразительным вы сохраняете уровень тона, тем большую иронию и сарказм вы подразумеваете. Итак, таково положение дел в английском языке, а говоря более точно, таково положение в RP ("принятом произношении"). Кстати, это не обязательно так для всех английских акцентов, но это уже другая история. Русские, однако, конечно же, используют ровный тон как показатель утвердительной интонации. Поэтому это совершенно обычная характеристика стандартного московского варианта русского языка говорить как бы та — да — да — да — да — да (воспроизводит интонацию, которая кажется ему типично русской). Я хочу сказать, что не собираюсь подвергаться здесь риску, демонстрируя свои познания в русском языке... так что уж простите эту бессмыслицу. Но, видите ли, русские подходят к Вам после чего-нибудь и Вы говорите: "Вам понравилась пьеса?", а они говорят (подражает русскому произношению): "Чудесно. Очень хорошо. Она мне очень понравилась." (аудитория смеется) И вы, конечно же, смотрите им в лицо, и видите по выражению их лица, ну, может быть не в случае с русскими (аудитория смеется), но... часто, когда так делает иностранец... вы догадываетесь по выражению их лиц, что им она действительно понравилась, так что, конечно, вы игнорируете интонацию. Но дело в том, что во многих обстоятельствах передаваемый тон голоса кажется ироничным, или скупающим, или саркастичным, но он явно не является преднамеренным и, конечно же, он объяснимо не является таким, если посмотреть на интонационную систему русского языка.") (отрывок из лекции Дэвида Кристалла 'How Important is Intonation?')

Англичане умеют придавать саркастическую, или на худой конец ироническую окраску самым разнообразным словам, понятиям и т. п. Это может быть и сарказм, направленный на носителей других языков и культур. Так, девушка, работавшая переводчицей с группой англичан, рассказывала, с каким энтузиазмом они восклицали: ‘Oh, Russki, Russki!’, когда ходили по московским улицам, на что русские, как правило, им отвечали: “Да-да, русский”. Однако наивные и дружелюбные русские, не знавшие английского языка, не знали также (как не знала и их переводчица, которая узнала об этом только позже), что слово “Russki” употребляется как оскорбление и в словарях английского языка имеет помету *slang offens.*, что означает “оскорбительное жаргонное слово”. Эта история, однако, очень отчетливо показывает роль контекста в передаче смысла высказывания. Несмотря на то, что слово “Russki” является оскорблением в сознании естественных носителей английского языка и, безусловно, является таковым в англоязычном окружении, в русскоязычных контекстах, для естественных носителей русского языка оно будет просто звучать как обычное, нейтральное, не нагруженное стилистически слово “русский”, произнесенное с иностранным (в данном случае английским) акцентом, и сколько бы тайно ни веселились эти англичане, считая, что им удалось надсмеяться над русскими, в русскоязычном окружении это слово не способно обидеть человека, говорящего по-русски.

Знакомая англичанка – преподавательница русского языка рассказывала, какие приемы мнемотехники она использует для того, чтобы начинающие изучать русский язык взрослые студенты запомнили формулы вежливости в русском языке. Так, слово “спасибо” легче запомнить, если провести параллель между ним и английским словом placebo. Как известно, это слово имеет следующие значения: 1. Плацебо, безвредное лекарство, прописываемое для успокоения больного 2. Слова успокоения, лезть 3. церк. плацебо, “я буду угоден”, первое песнопение заупокойной вечерни; to sing /to play (a) ~ раболепствовать, угодничать, быть приспособленцем (оппортунистом).

Студенты у той же преподавательницы запоминали слово “пожалуйста” по аналогии с выражением “push Alistair” (down the stairs, как предполагается), а слово “здравствуйте” им оказалось легче всего запомнить, если держать в уме фразу “Does your arse fit ye?”, произнесенную скороговоркой. (Автор приносит извинения за ненормативную лексику, но из песни, как говорится, слова не выкинешь.) Любопытно, что в первых двух шутках возникают смысловые связи между русской фразой и параллельной ей английской звуковой оболочкой; следует отметить, что если в первом случае в результате звуковой аналогии мы

получаем невинную шутку, во втором шутка уже достаточно неприятная, а в третьем возникает, как кажется, законное сомнение в том, что какому-либо здравомыслящему человеку захочется учить язык, приветствие в котором звучит таким, мягко говоря, странным образом. Представляется, что такую шутку можно назвать скверной, вульгарной и наглой в своей циничности, может быть казарменной или площадной вследствие своей неприличности. И она, конечно же, оскорбительна для русского языка.

Итак, для того чтобы любовь англичан к иронии и сарказму не вызвали культурный шок у русского студента или учащегося, который оказывается в стране изучаемого языка, необходимо специально обучать студентов умению опознавать иронию и сарказм, делать изучающих английский язык "сензитивными" в этом отношении, как любят говорить психологи. Как следует из всего, что было сказано, основные характеристики иронии и сарказма в английском языке таковы:

1. Саркастическое высказывание, как правило, на русский слух не имеет какого-то особого интонационного оформления. Если выразить это при помощи более точной лингвистической терминологии, то можно сказать, что финальный ровный тон, употребляемый на месте интонационного центра в конце предложения, является основным показателем сарказма. На самом деле, чем нейтральнее интонация, тем более успешно достигается цель саркастически уколоть собеседника. Так, например, в рассказе Мюриел Спарк 'The Black Madonna' ("Негритянская мадонна") описывается ситуация, когда бесплодная женщина, Лу, гордящаяся своими либеральными взглядами и всячески демонстрирующая их, принимая и знакомя со всеми своими друзьями сослуживцев своего мужа, чернокожих Оксфорда и Генри, недавно приехавших с Ямайки, обнаруживает, что забеременела, и по прошествии положенного времени у нее рождается чернокожий ребенок. Можно сказать, что сам сюжет этого рассказа ироничен, показывая иронию судьбы. Во всяком случае, это событие оказывается таким ударом для нее и ее супруга Рэймонда, что они решают отказаться от ребенка, сдать его в Общество по усыновлению и переехать в Лондон. Почти в самом конце рассказа мы читаем: 'One of Raymond's colleagues had asked him that day how his friends Oxford and Henry were getting on. Raymond had to look twice before he decided that the question was innocent. But one never knew... Already Lou and Raymond had approached the adoption society. It was now only a matter of waiting for word.'

2. Как становится ясно и из только что процитированного отрывка из Мюриел Спарк, выражение лица говорящего в момент саркастического высказывания, так же как и интонация, должно быть абсолютно нейтральным. Для обозначения такого выражения лица в английском

языке существуют выражения *deadpan expression* и *poker-face*. На лице говорящего не должно отражаться эмоций, оно должно быть полностью невозмутимым и бесстрастным, только тогда достигается нужный эффект.

3. По определению, лексический состав и синтаксическая структура высказывания должны иметь положительную или нейтральную окрашенность, что делает возможным сменить ее на отрицательную благодаря подразумеваемому сарказму. В письменной речи саркастический эффект часто достигается благодаря смысловым контрастам (в частности, контрастам в значениях лексических элементов, которыми пользуется автор). Так, например, рассказ Мюриел Спарк 'The Pawnbroker's Wife' ("Жена ростовщика") начинается так:

At Sea Point, on the coast of the Cape of Good Hope, in 1942, there was everywhere the sight of rejoicing, there was the sound of hilarity, and the sea washed up each day one or two bodies of servicemen in all kinds of uniform.

Как видим, в этом отрывке содержатся слова, имеющие положительные коннотации: *the Cape of Good Hope* (Мыс Доброй Надежды), *rejoicing* (ликование). Однако после упоминания всех этих положительных понятий автор тут же чуть ли не мимоходом отмечает тот факт, что каждый день море выносило на берег трупы солдат, одетых в мундиры самых разных армий. Своего рода переходом к этому является выражение *the sound of hilarity*, которое, по-видимому, описывает буйное веселье тех солдат, которым удалось спастись от ужасов войны. Таким образом, саркастическое звучание этого предложения создается контрастом между значением положительно окрашенных слов, начинающих это предложение, и ужасным фактом гибели людей на войне, невзирая на который оставшиеся в живых солдаты предаются веселью. Саркастическую ноту вносит также выражение *in all kinds of uniform*.

Как можно видеть из анализа жизненных ситуаций и отрывков из художественной литературы, ирония и сарказм в жизни и в литературе – это не совсем одно и то же. Можно, конечно, сказать, что анализ произведений тех авторов, которые склонны к иронии и сарказму, безусловно, поможет сделать изучающих язык более восприимчивыми к существованию этих явлений языка и культуры нации (а также ее характера). Например, попытки сделать анализ каждого их проявления и, скажем, квалифицировать качество насмешки, определяя, является ли насмешка едкой, злой, колючей, язвительной, скрытой или желчной, или какой-либо еще, могут помочь учащимся понять проявления иронии и сарказма в реальных жизненных ситуациях. Хотя может быть и так, что их неспособность воспринимать иронию и сарказм – это иногда благо, а не недостаток. Во всяком случае, можно сказать, что сарказм – это чрезвычай-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 10. – 160 с. ISBN 5-89209-503-7

чайно глубокое и емкое понятие, сущность которого передают такие слова как глумление, язвительность, издевка, насмешка, ехидность, измывательство, желчность, колкость и, наверное, еще многие другие. В понятии сарказма есть много такого, в чем следует разобраться.